

All literature is gossip.

Truman Capote

Life is very precious, even right now.

Gary Indiana

I know a lot about myself, and I accept it.

Joy Williams

What force could so deform a man?

William S. Burroughs

You don't say I LOVE YOU with your mouth full of sand.

David Lynch

Предисловие. ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ УИЛЬЯМА БЕРРОУЗА?

1

Эта книжка — воспоминание-напоминание о писателе, сказавшем однажды о себе без ложной скромности: «Сейчас я самый важный Homo Sap на Земле».

Это был Уильям Сьюард Берроуз (а кто же ещё?).

Сегодня ни один писатель (даже американский) не посмеет выговорить такую наглость по одной простой причине: НИКТО не может быть действительно важен на Земле, где прозябает восемь миллиардов людей — и они всё плодятся и размножаются.

Да и литература нисколько не отстаёт от этого убийственного размножения: она ему под стать.

Но дело-то в том, что Берроуз жил в другую, минувшую эпоху и не был просто очередным литератором.

Он был сингулярен, бесподобен, несравним.

Он был сразу всем: писателем и авантюристом, художником и шарлатаном, панком и философом,

наркоманом и гуру, клоуном и смертельно серьёзным диагностом, селебрити и El Hombre Invisible.

Это у него Жиль Делёз заимствовал имя для своего знаменитого концепта: «общество контроля»; это с ним беседовал на эту тему Мишель Фуко.

А мы уже не просто в обществе контроля живём — мы в бесконтрольно контролируемом обществе, стремительно разваливающимся на куски.

Мы в условиях перманентного Чрезвычайного Положения (диагноз Агамбена).

Мы в ситуации множественной гражданской войны (диагноз Тиккун).

Но Берроуз и это предвидел и очень интересно об этом писал.

Поэтому вспомнить и напомнить о Берроузе очень своевременно.

Вот я и вспомнил — с любовью, хотя и с полным ртом песка.

2

Я полюбил Берроуза, ещё не прочитав ни одной его книжки, ни одной строки.

Он был героем «контркультуры» — всюду, в том числе в СССР.

Уж не помню, где я увидел фотографию стареющего денди в шляпе и костюме-тройке, со строгим и холодным взглядом умных внимательных глаз, и подумал: ого, какой крутой.

Стал искать информацию о нём, и опять-таки: да, крут.

У него была сенсационная биография: отпрыск видной предпринимательской семьи из Сент-Луиса; выпускник Гарварда и студент медицины в Вене; истребитель тараканов и бармен; наркоман и фермер-дилетант; отщепенец и протобестия; теневая фигура и джентльмен; женоубийца и везунчик, избежавший тюрьмы в Мексике; аферист и богемный вьюн, исколесивший мир; острослов, снискавший уважение в узком кругу приятелей; аутсайдер и гомосексуалист; скандальный автор экспериментальной книги, с трудом нашедшей издателя; нью-йоркская знаменитость и страстный любитель оружия; наставник молодёжи и автор стрелковых картин; обожатель кошек и мировой авторитет.

Он был великий шоумен и декларированный мизантроп.

Он вёл бездомную жизнь, которую мог позволить себе в середине XX века привилегированный, хорошо образованный янки с небольшой, но надёжной пачкой долларов в портмоне.

А я в Советском Союзе о такой жизни мог лишь мечтать: США, Австрия, Греция, Югославия, Италия, Албания, Мексика, Латинская Америка, Берлин, Танжер, Париж, Лондон, Нью-Йорк...

У него была компания разудалых и отважных битников-друзей (так я себе это представлял).

Он умел быть беспощадным и обходительным, атакующим и доброжелательным, запальчивым и ускользящим.

Короче, Берроуз — ходячее противоречие: кочевой изгой и трезвый, расчётливый литературный делец, дорогуша публики и смутьян, апокалиптический насмешник и член Американской академии искусств и изящной словесности, посторонний наблюдатель и часть литературного истеблишмента.

Я балдел от одного его имени.

А потом я читал русский перевод книги «Голый завтрак» — и ужасно скучал.

А потом прочитал повесть «Джанки» — и пришёл в восторг.

Русские переводы его произведений иногда ничего, а иногда — дрянь.

Берроуза нужно читать в оригинале, на его собственном языке.

И тогда открываешь: какой же отличный писатель он был!

Его книги великолепны и как авантюрное чтение, и как поэзия языка.

В какой-то момент я понял, что Берроуз — автор и человек — очень дорог мне.

3

В одном из своих многочисленных интервью Берроуз причислил себя к традиции плутовского романа (*roman picaresque*).

«Сатирикон» Петрония и «Золотой осёл» Апулея — вот откуда всё пошло.

Он восхищался «Злосчастливым путешественником» Томаса Нэша — первым английским плутовским романом, написанным в елизаветинскую эпоху, в 1594 году.

Ну и, конечно, «Путешествием на край ночи» Луи-Фердинанда Селина (Берроуз и Гинзберг посетили Селина в парижском пригороде Мёдон).

Берроуз говорил: «В плутовском романе протагонист не устаёт передвигаться ради самого передвижения — реального или происходящего в голове. В ходе этого передвижения он переживает разные приключения или, точнее, злоключения, удары судьбы. А иногда и вовсе попадает в иную реальность, где возможно всё. Плутовской роман не имеет чёткой фабулы, это серия эпизодов, происшествий, случаев. Повествование

разворачивается не по искусственной схеме, которую в XIX веке принял реалистический роман, а в гротескном, парадоксальном, алогичном универсуме. Плутотовской роман одновременно близок модернистской литературе и дешёвой беллетристике, в нём на первый план выходят казус и эксперимент».

4

Что ж, если так, то я в одной компании с Берроузом.

Самопальный рассказчик и цитатная тля, я тоже принадлежу к плутовской традиции.

Без американского паспорта и без всякого портмоне я мотался где только мог: в воображении и наяву.

И, мотаясь, попадал в отвратительные переделки, впадал в полное ничтожество, убегал, как заяц, и изворачивался, как глист.

Только об этом — о своих похождениях — я и могу писать.

Всё остальное почитаю за литературщину и ложь.

Но авторитетом вроде Берроуза я, к счастью, не стал.

И не стану скрывать: я не только люблю, но и ненавижу этого американского дяденьку.

Шарлатан должен оставаться шарлатаном, а делаться «самым важным человеком на Земле».

Но, разумеется, Берроуз был больше чем шарлатан.

Он прошёл уникальный — и показательный — путь.

«Показательный», то есть наглядно демонстрирующий, в какой вонючей помойке, на какой грандиозной куче дерьма мы живём — и это дерьмо жрём.

5

Берроуз считал, что миром правит мразь.

Он не ждал ничего хорошего от политических элит.

Он сказал мне: «Эти суки прикончат и тебя, если вовремя не удерёшь».

Он твердил, что скоро появится биологическое оружие — «ethnic weapons», — способное истреблять одни расы и народы, не затронув других.

Он был убеждён, что СПИД является лабораторным вирусом, умышленно выпущенным на свет.

Он писал: «Полиции выгоден рост преступности. Департаменту по наркотикам выгодна наркомания. Политиканам выгодно внушать людям, что они — нация. Армейским начальникам выгодно создание новых видов оружия. Корыстные интересы и выгода управляют всем — частным капиталом и государственными учреждениями — и подавляют любое открытие,

продукт или мысль, которые могут ущемить их монополию».

Но он не хотел замечать, что и сам становится частью этого грандиозного бизнеса.

Где бы он оказался, чёрт возьми, без громадной культурной машины с клеймом на каждом подшипнике: «MADE in USA»?

6

Мой смехотворный тезис заключается в том, что Берроуз был, как это говорится по-английски, full of shit.

Но он и отличный писатель, по joke.

Американский писатель до мозга костей.

Он, как губка, впитал в себя всю грязь и весь блеск западной цивилизации (в её американской брутально-технологической версии), а потом захотел отмыться от этой налипшей (снаружи и внутри) коросты нечистот.

Но вот вопрос: как отмыться и чем?

Берроуз лихорадочно искал какую-то мифическую, магическую живую воду, которая могла бы смыть с него гнусь.

Но было уже поздно — или это не поздно никогда?

В любом случае: он всё понимал и места себе не находил.

Поэтому он и отправился под конец жизни в индейскую резервацию, чтоб шаман навахо вытравил из него огнём того Мерзкого Духа, того американского Сукина Сына, того Великого Махинатора, который в нём засел и не давал ему спокойно умереть.

Сам он отделаться от этого Духа не мог.

Путешествие к шаману с менеджером битников Алленом Гинзбергом — последний плутовской, призрачный, зрелищный, совестливый, поверхностный, интимный, искренний, магический, сделанный на публику, отчаянный, инфантильный, стариковский акт Уильяма Берроуза.

Всю свою жизнь он был обуян страхом, что им владеют некие злые, уродливые потусторонние силы — духи, призраки, нечисть, Враг.

Ключевой, решающий, роковой эпизод своей жизни — револьверный выстрел, оборвавший жизнь его жены Джоан, — Берроуз объяснял тем, что Мерзкий Дух управлял в тот день его разумом и рукой.

Он себя так оправдывал, но не извинял.

Он считал, что необходимо сопротивляться Мерзкому Духу, а он не сумел, не выстоял, упал.

И позднее тоже падал — много, много раз.

Берроуз догадывался, что Мерзкий Дух напрямую связан и с его литературной карьерой, с его книгами, — с лучшим, что он сделал за свою долгую жизнь.

Возможно, всем его творчеством управлял этот сраный Дух?

Книги Берроуза стали полем сражения против Мерзкого Духа — пространством поражений и побед.

7

Вообще говоря, самое главное у Берроуза — его блуждания.

Как он сам сказал: «It is necessary to travel, it is not necessary to live».

Странствия Берроуза: одновременно бесцельные гуляния фланёра и поиски ухода-выхода.

Он шатался по улицам мировых городов, чтобы увидеть то, что необходимо художнику: сокровенную Америку, тайную Африку, скрытую Европу, то есть внутреннюю, заветную, заповедную территорию, куда он мог бы ускользнуть прямо сейчас или переселиться в следующем воплощении, в брэнной оболочке или в бестелесном состоянии.

Путешествия, наркотики, метод нарезок — cut-up — были не чем иным, как способами всматривания в этот тайный, запредельный мир.

Иными словами, он пытался изменить свою жизнь, своё сознание: «Для всех нас в шекспировской эскадрилье писательство есть не бегство от реальности,

но попытка трансформации реальности, так чтобы писатель мог наконец избежать границ реальности».

Берроуз ненавидел линейную, «аристотелевскую» (как он говорил), причинно-следственную логику западного мышления.

Он считал, что это логика кретинов и убийц.

Нужно изменить сознание и увидеть вещи такими, как они есть.

А какие они?

Многомерные.

Берроуз понял, что предметы, ландшафты и люди умещают в себе не только настоящее, но и прошлое.

И будущее.

Иногда очень отдалённое прошлое и очень гипотетическое будущее.

«Будущее — это прошлое, и наоборот» — вот слова Берроуза.

Именно об этом он в своих книгах и рассказывает: о путешествиях во времени, о напластовании времён, о прободении хроноса.

Это «генеалогические» (в ницшевском смысле) повествования, где он пытается найти «потерянные поворотные пункты» и возможные способы ускользания.

С самым что ни на есть серьёзным выражением лица, которое один из его друзей сравнил с физиономией рептилии, комедиант Уильям Берроуз заявлял:

«Пришло время бросить эту изношенную, радиоактивную, набитую полицейскими планету дураков».

Пришло время перекочевать в Древний Египет или на Марс.

Бездомность, наркотики, любовные похождения, cut-up, чёрный юмор, подростковая порнография, научная фантастика, путеводители, комиксы, фиксирование снов, опыты с оргонным аккумулятором, любительская магия, ружейные эксперименты с живописью, общение с кошками — вот они, берроузовские попытки вырваться из общества контроля, общества спектакля, биополитического порядка, полицейского государства, культурного менеджмента, бюрократической машинерии, левой и правой демагогии — всех этих пакостных, гнетущих и убийственных механизмов мировой капиталистической Империи.

Вырваться куда?

Туда, где нет самого себя — постылого шоумена Берроуза.

8

Джеймс Грауэрхольц — друг, редактор, менеджер и неизменный спутник позднего Берроуза — в одном из своих эссе очерчивает литературную траекторию автора книги *Naked Lunch*.

Согласно Грауэрхольцу, главным героем Берроуза на протяжении долгого времени оставался беззаконный малец, сиятельный юнец, аморальный недоросль, анархический оголец Одри/Ким.

Это — застенчивый подросток, преобразившийся в лучшего стрелка на Диком Западе и неутомимого любовника, в дикаря, мародёра и изобретательного зверёныша.

Одри/Ким — обладатель природного вкуса и ума, не дорожащий ни тем ни другим, но вечно пытающийся выйти за пределы себя и стать право-, нраво- и миронарушителем.

Неистовая витальность и самочинные похождения Кима были своего рода литературной версией неспокойной жизни самого Берроуза.

Но в поздние годы, когда писатель приблизился к своему семидесятилетию, мысль о смерти стала всё чаще посещать его, и на первый план выдвинулась иная фигура: Джо Мертвец.

Это — противоположность юного Кима: дряхлое, высушенное существо, прошедшее через ряд жизненных перевоплощений и впавшее в морбидное, анемичное состояние, но так и не достигшее покоя и мудрости.

Джо Мертвец — мумия, не чуждая безумия.

Джо Мертвец — старый хрыч, принявший самого себя за Смерть.

Джо Мертвец — последняя ипостась Уильяма Берроуза.

Несмотря на то, что писателю бесконечно дорог неуёмный Ким, он обрекает его на гибель от руки Джо Мертвеца.

Умерщвляя Кима, Джо Мертвец отказывается от всех буйств, экспериментов и поисков ради единственной оставшейся у него привязанности: THE LOVE OF CERTAIN ANIMALS.

Кошки видят друга в Джо Мертвеце — Берроузе.

Он умеет приручать диких ласок, скунсов, енотов, барсуков.

Он ещё помнит забытое искусство превращения зверя в товарища: «Прикосновение должно быть очень смелым и очень ласковым».

Так говорит автор книги The Cat Inside.

9

Как считает Грауэрхольц, в последние месяцы своей жизни Берроуз осознал бесплодность любых конфликтов, увидел иллюзорность всякой победы и завоевания.

Страсть к битвам, обуревавшая писателя, оставляет его.

В доказательство Грауэрхольц приводит такие фразы из предсмертных дневников Берроуза: «Думать

недостаточно. Всего недостаточно. Не существует ни последнего опыта, ни последней мудрости — ничего, бля, подобного. Ни Святого Грааля, ни Финального Сатори, ни окончательного решения. Только конфликт, столкновение. И единственная вещь, которая может разрешить конфликт, — это любовь, вроде той, которую я испытал к Руски и Флетчу, Спунеру и Калико. Чистая любовь».

Вот так: любовь к кошкам оказалась конечным открытием и завершением бурной, несправедливой и страдальческой жизни Уильяма Берроуза.

Жизни-схватки с Мерзким Духом, в нём угнездившимся.

10

Честно говоря, мне этот сладенький вывод Грауэрхольца кажется сомнительным.

Путь Берроуза нельзя свести к его старческой кошачьей нежности.

Дядя Билл был бузила по преимуществу.

11

Вопрос, занимающий меня, комичен, но небезоснователен: что осталось от писателя Берроуза для нас, се-

Оглавление

Предисловие. ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ УИЛЬЯМА БЕРРОУЗА?

6

Часть первая. БРЕНДА

27

Часть вторая. ЛОРЕТТА

47

Часть третья. БЕРЕМЕННАЯ ДЕВОЧКА И ТОМАС

64

Часть четвёртая. БЕРРОУЗ

84

Часть пятая. ПАТТИ СМИТ И GUNSHOT PAINTING

116

Часть шестая. НОЧНАЯ МЕБЕЛЬ

149

Часть седьмая. ТАК ГОВОРИЛ БЕРРОУЗ

172

Часть восьмая. МОХАВЕ

194

Часть девятая. РЕЧЬ БЕРРОУЗА В ЛАС-ВЕГАСЕ,
ШТАТ НЕВАДА

212

Часть десятая. ПОСЛЕДНЯЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ,
РАССКАЗАННАЯ СОРОКИНЫМ В СИЭТЛЕ

230

Эпилог. НА МОГИЛЕ ФУРЬЕ

253

Послесловие. ПОСЛЕКНИЖИЕ

275